

Из коридора донеслись приглушённые голоса господина и госпожи Цзян. Они продолжали спорить, пока шли в гостиную.

Увидев родителей, Цзян Цишань вернул телефон жёлтоволосому, поднялся с главного места и слегка поклонился.

— Отец. Мать. Добрый день.

При виде сына черты господина Цзяна заметно смягчились. Он даже протянул руку и потрепал его по голове.

— Почему не занимаешься? Задания, которые я тебе дал, уже закончил?

— Закончил. И ещё заранее просмотрел тему следующего урока, — с почтительной улыбкой ответил Цзян Цишань.

— Умница.

Господин Цзян удовлетворённо кивнул.

Внешне их разговор ничем не отличался от обычной беседы отца и сына.

Но лицо госпожи Цзян ясно показывало, что Цзян Цишань ей не нравится.

Она холодно скользнула по нему взглядом и лишь формально растянула губы в улыбке.

Цзян Цишань всё равно вежливо улыбнулся в ответ, будто совершенно не заметил неприязни.

Его присутствие здесь больше не требовалось.

Господин и госпожа Цзян продолжили расспрашивать друзей Цзян Юя, а второму сыну отец тут же назначил новые задания, не оставив времени ни на отдых, ни на развлечения.

Цзян Цишань не выразил ни малейшего недовольства.

— Хорошо, отец.

Он развернулся и вышел.

Кожаные туфли глухо стучали по полу.

Стоило ему скрыться за углом коридора, как улыбка мгновенно исчезла.

На смену ей пришёл ледяной холод.

— Старый ублюдок, — едва слышно пробормотал он.

Услышь господин Цзян эти слова, наверняка сразу пересмотрел бы мнение о «послушном сыне».

На ходу Цзян Цишань достал из кармана две фотографии.

Первая была старой.

На ней стояли трое: Цзян Юй, господин Цзян и госпожа Цзян.

Снимок сделали десять лет назад. Цзян Юю тогда было четырнадцать.

Он стоял между новыми родителями и застенчиво, даже немного испуганно улыбался в камеру.

Зато ясные глаза были полны ожидания.

Очевидно, мальчик верил, что наконец обрёл семью, и с надеждой смотрел в будущее.

Вторая фотография была сделана пять лет назад.

Теперь людей стало четверо.

Появился Цзян Цишань.

И Цзян Юй на этом снимке выглядел совершенно иначе.

Тяжёлые тени под глазами, растрёпанные волосы, закрывающие половину лица, потухший вид.

А место в центре, где раньше стоял он, теперь занял Цзян Цишань.

Тот улыбался между приёмными родителями так ярко, будто именно он был сердцем этой семьи.

Отличалось и отношение супругов Цзян.

На первой фотографии господин Цзян выглядел строгим, даже слегка раздражённым.

На второй его любовь к Цзян Цишаню была очевидна — на обычно суровом лице появилась редкая улыбка.

У госпожи Цзян всё было наоборот.

Ей больше нравился спокойный и послушный Цзян Юй, поэтому на первом снимке она улыбалась тепло и искренне.

На втором — лицо уже холодное и отстранённое.

Цзян Цишань сравнил фотографии и медленно усмехнулся.

Затем убрал их обратно в карман и лёгким шагом направился к себе.

Обычно он занимался там в полном одиночестве. Домашние даже прозвали комнату его «маленькой чёрной коробкой».

Там же Цзян Цишань предпочитал думать.

— Братец, братец... чего ты всё-таки так боялся? Ты, настолько эгоистичный человек... чего мог бояться столько лет? Ха.

Он открыл дверь, вошёл и заперся изнутри.

...

Глубоко в Лесу Чёрного Древа.

Время — 12:00.

За усадьбой располагался небольшой огород. Там росли самые обычные овощи и фрукты: капуста, редька, помидоры и прочее.

Удивительно, но в этом тусклом, мёртвом мире урожай получался особенно вкусным.

Наверное, хотя бы в чём-то им повезло.

— Ко-ко-ко.

В железной клетке в углу двора жило единственное настоящее животное — курица, которую когда-то силой притащили сюда.

Если в этом месте и существовал редкий деликатес, то им были яйца.

Ши Цзянтин присел перед клеткой и молитвенно сложил ладони.

— Сестрёнка-курочка, сестрёнка-курочка, дай мне ещё одно яичко. Только не клюй, пожалуйста.

Он осторожно открыл дверцу и просунул руку внутрь.

Поначалу «сестрёнка» высокомерно прикрыла глаза и даже не удостоила его взглядом.

Но едва пальцы Ши Цзянтина добрались до яйца под ней...

Курица: Заклюю! Заклюю! Заклюю тебя насмерть!!

— Тс!

Ши Цзянтин оказался быстрее. Он выхватил яйцо и мгновенно захлопнул дверцу, спасаясь от яростной атаки крыльями.

Затем повернулся к Цзян Юю, высоко поднял добычу и потряс ею, словно хвастаясь военным трофеем.

Цзян Юй сидел на ступенях с лицом серым и безжизненным.

Запястья были ремнями привязаны к подлокотникам стула, а к ноге крепился тяжёлый чёрный шар.

Свободы не осталось вообще.

Хотя при силе Ши Цзянтина никакие верёвки не требовались. Он и без них не боялся побега.

Так зачем было мучиться и связывать Цзян Юя?

Ха.

Просто чтобы сломать его.

Шаг за шагом разрушать психологическую защиту.

Каждую секунду напоминать:

Ты уже в моих руках.

Тебе не сбежать.

Цзян Юй опустил взгляд, ресницы дрогнули.

Он больше не хотел смотреть на Ши Цзянтина и перевёл глаза на дикие травы вокруг, пытаясь найти хоть каплю утешения в этом мрачном, опустошённом месте.

Слабость Ши Цзянтина оставалась неизвестной.

Казалось, он просто непобедим.

Полгода Цзян Юй беспрерывно продумывал побег.

Сначала он не хотел причинять Ши Цзянтину вред. Просто пытался выбраться.

Но после каждого нового провала, после каждого возвращения в плен отчаяние и ярость становились сильнее.

И однажды он всё-таки взял нож.

Чтобы убить Ши Цзянтина, Цзян Юй испробовал почти всё: перерезал артерии, вонзал нож в сердце, отсекал конечности.

Но на «мертвеца» это почти не действовало.

А после каждой неудачи ночью следовало наказание.

Цзян Юй не знал, как убить призрака.

Не знал, как покинуть этот ад.

Как обычная человеческая сила могла победить сверхъестественную?

Это расплата?

Цзян Юй действительно начал отчаиваться.

В этот момент до него донёсся лёгкий цветочный аромат.

Он поднял покрасневшие глаза.

Перед ним стоял горшок с пионами. Цветы были нежными, но яркими на фоне окружающей серости.

Выше горшка — склонившийся Ши Цзянтин.

Он протягивал растение Цзян Юю.

— Нравится?

Цзян Юй закрыл глаза и промолчал.

В волосах зашелестело.

Ши Цзянтин отломил цветок и осторожно вставил его ему в волосы.

Цзян Юй раздражённо открыл глаза.

— Что ты делаешь? Нельзя было оставить его расти?

— Цветы рождаются, чтобы их срывали и ими любовались. Их ценность — дарить людям красоту. Нечего жалеть.

Ши Цзянтин улыбнулся и продолжил украшать ему волосы.

Цзян Юй больше не спорил.

Доказывать что-то сумасшедшему с извращённой логикой было бессмысленно.

— Я добыл одно яйцо. Что приготовить вечером?.. Одного маловато. Сделаю тебе яичный суп?

— Ши Цзянтин сам спросил и сам же радостно ответил: — Хорошо. Значит, будет яичный суп.

И тут пальцы Цзян Юя с трудом поднялись и зацепились за край его одежды.

На лице появилось слабое, беззащитное выражение.

— Муж... можешь развязать меня? Руки и ноги правда болят... Я хочу пойти с тобой работать на огороде. Хорошо?

Ши Цзянтин слегка приподнял бровь, явно заметив резкую перемену.

На губах заиграла многозначительная улыбка.

Ха.

Цзян Юй давно перестал заботиться о достоинстве, если речь шла о выживании.

Ради жизни он мог унижаться и быть совершенно бесхребетным.

Когда требовалось — покорно называл Ши Цзянтина «мужем» и слушался.

Когда необходимость исчезала — ругался, сопротивлялся и отталкивал его.

Такого двуличного Цзян Юя...

Ши Цзянтин обожал.

Он наклонился и легко поцеловал его между бровями.

— Конечно. Муж тебя развяжет.

Улыбка стала шире.

— Можешь ещё раз попробовать сбежать. Я люблю игры в догонялки.